

Пегие лошади

Николай-угодник был родом грек из Мир Ликийских. Но грешная, добрая, немудренная Русь так освоила его прекрасный и кроткий образ, что стал извека Никола милостивый ее любимым святителем и ходатаем. Придав его душевному лицу свои собственные уютные черты, она сложила о нем множество легенд, чудесных в их наивном простосердечии. Вот - одна.

Ходил, ходил однажды батюшка Николай-угодник по всей русской земле, по городам, по деревням, сквозь леса дремучие, через болота непролазные, путями окольными, дорожками просельными, в дождь и снег, в холод и зной... Всегда у нас ему много дела: умягчить сердце жестокого правителя, обличить судью неправедного, построжить жадного не в меру торговца, вызволить из сырой тюрьмы невинно заключенного, испросить помилование приговоренному к напрасной смерти, подать помощь утопающему, ободрить отчаянного, утешить вдову, пристроить сироту к добрым людям...

Так-то вот ходил и ходил угодник Николай по древней широкой Руси... Только вдруг является к нему небесный вестник.

- Забрался ты, святитель, в такую трущобину, что сыскать тебя мудрено, и все свои церковные дела ты запустил. А между тем беда идет неминуемая. Восстал на православие злой Арий-Великанище. Книги святоотческие наземь мечет. Хулит святые таинства. Похваляется громко, что в неделю православия стану-де я, Арий-Великанище, посреди Никитского собора и при всем народе истинную веру навеки ниспровергну... Поспеши же, батюшка Никола, на выручку. На тебя одного надежда.

- Поеду, - молвил святитель.

- Да не медли, родной. Времени совсем чуть-чуть осталось, а путь, сам знаешь, какой долгий.

- Сегодня же поеду. Сейчас. Улетай с миром...

Был у святителя один знакомый стоешник, по имени Василий, человек жизни благочестивой, но по своему делу первый знаток: такого другого протяжного ямщика было не найти. К нему и зашел во двор угодник.

- Облекайся, Василий. Пои коней. Едем.

Не спросил Василий - далеко ли. Знал, что если дело поблизости, то Никола милостивый пешком бы пошел, потому что очень жалел лошадей.

Говорит:

- Слушаю, отец. Посиди в избе. Мигом заложу.

Навалил Василий в сани с отводами ворох соломы, покрыл веретьем, подтыкал с боков и посадил святителя. А сам уселся на облучке, по-ямщицьи: одна нога

в саях, а другая снаружи, чтобы, значит, на раскатах отпихиваться. Шесть вожжей у него веревочных в руках да два кнута: один - покороче, за валенок засунут, а другой предлинный, кнутовище на руку вздето, конец далеко за саями бежит, снег вавилонами чертит.

Неказистая троечка у Василия, а другая с ней никакая не сравнится. На двух передовых лошадях хомуты с бубенцами - бубенцы в лад подобраны, - а под дугой у коренника валдайский колоколец качается, малинового звона. Такая музыка, что за пять верст слышно: честные люди едут. Со стороны поглядеть - точно вразвалку лошади бегут, а ни одному знаменитому рысаку за ними впротяжную не угнаться - духу не хватит. Белая лошаденка шею опустила, снег разнюхивает, к снегу приглядывается; где дорога свертку дает, ей и вожжей не надо - сама путь верный учует.

Иной раз задремлет Василий на облучке, но и сквозь дрему одним ухом слушает. Только услышит, что разладились бубенчики с колокольчиком, мигом встрепетается. Если какая лошадь лукавит, постромок не тянет, на других работу валит, он ее сейчас же кнутом опамятует, а какая не в меру усердствует - ту вожжой попридержит, - и опять все в порядке. Бегут лошадки ровно и мерно, как заведенные, только уши назад торчком поставили. И звенят, звенят на дальнем снежном пути бубенчики.

Встречались им порою разбойники. Вылезут из-под моста молодчики придорожные, станут поперек пути заставой:

- Стой, держи коней, ямщик. Кого везешь? Боярина богатого, купца тароватого или попа пузатого?.. Говори: смерти или живота?

А Василий им:

- Разуйте глаза-то, олухи окаянные. Али не видите, кто сидит?

Поглядят разбойнички и в землю повалятся.

- Прости нас, негодяев, святитель Божий. Эка мы, дураки, опростоволосились! Прости, сделай милость.

- Бог простит, - скажет Никола милостивый. - А вы бы, братцы, меньше народ кровянили... Страшный ответ вам придется давать на том свете.

- Ой, грешны, батюшка, свыше головы грешны... А ты все же, милостивец, не забывай и нас, злодеев, в своих молитвах... Мир тебе путем-дорогой.

- И вам мир на стану, разбойнички.

Так вот Василий и вез святителя много дней и ночей. Кормить останавливался у знакомых стоешников: везде у него были дружки и кумовья. Проехали уже Саратовскую губернию, проехали колонистов, подались на хохлов, а за хохлами пошли чужие земли.

А тем временем выходит Арий-Великанище из своего высокого терема, припадает ухом к сырой земле. Слушал долго, поднялся чернее тучи, слуг своих верных кличет:

- Уж вы слуги мои, слуги верные. Учужал я издали, что Никола-чудотворец к нам из России поспешает. А везет его кесемской ямщик Василий. Приедет Николай раньше недели православия - все мы - и вы и я - пропадем пропадом, как тараканы. Делайте, слуги мои, все, что хотите и умеете, а чтобы непременно вы мне святителя на день, на два в дороге задержали. Иначе - всем вам головы отрублю и ни одного не помилую... А кто изловчится и приказ мой исполнит, того осыплю золотом и камнями самоцветными и отдам за него замуж дочь мою единственную, красавицу Ересию.

Побежали слуги - как на крыльях полетели.

Остался путникам всего один переезд. Завтра к обедне будут в Никитском соборе. Остановились на ночлег в селе у какого-то тамошнего стоешника, на выезде. Суровый мужик попался, вовсе неразговорчивый и грубый.

Спросили овса для коней. "Нет овса, весь вышел". - "Ничего, Василий, - говорит Никола, - возьми-ка пустой мешок из-под сиденья да потряси над яслями". Сделал по его приказу Василий, и из мешка полилось золотым потоком тяжелое пшеничное зерно: полны кормушки насыпал.

Спросил поесть. Мужик знаками показывает: "Нет, мол, у меня для вас ничего". - "Ну что же, - говорит святитель, - на нет и суда нет. Хлеб у тебя, Василий, есть?" - "Есть, батюшка, малая краюха, только черствый хлеб-от". - "Ничего. Мы его в воду покрошим и тюрю похлебаем".

Пужинали, помолились и легли. Угодник на лавке. Василий на полу. Заснул Никола тихо, как ребеночек. А Василию не спится. Все у него как-то на сердце беспокойно... Среди ночи встал лошадей поглядеть. Пошел в конюшню, а оттуда бегом прибежал, лица на нем нет, весь трясется. Перепугался. Стал будить святителя.

Пошли. Отворили конюшню. А уже на дворе развиднать стало. Смотрит святитель и диву дается. Лежат лошади на земле, все как есть на части порублены: где ноги, где головы, где шеи, где тулова... Взревел Василий. Лошадки уж больно хороши были.

Говорит ему святитель ласково:

- Ничего, ничего, Василий, не ропщи, не убивайся. Этому горю пособить еще можно. Возьми-ка да составь поскорее лошадей, как они живыми были, часть к части.

Послушался Василий. Приставил головы к шеям, а шеи и ноги к туловам. Ждет - что будет.

Сотворил тогда Николай-чудотворец краткую молитву, и вдруг мигом вскочили все три лошади на ноги, здоровые, крепкие, как ни в чем не бывало, гривами трясут, играют, на овес весело гогочут. Бухнулся Василий в ноги святителю.

Еще до зари выехали. Стало дорогою светать. Вдалеке уже крест на Никитской колокольне поблескивает. Только видит Николай-угодник, что Василий на облучке то налево, то направо нагнется, все как будто бы что-то на лошадях разглядывает.

- Ты что это там, Василий?

- Да вот, святой отец, все гляжу... Лошади-то мои как будто в разные масти пошли. То были ровных цветов, а теперь стали пегие, точно телята. Никак я в темноте да впопыхах все их суставы перепутал?.. Неладно это вышло, однако... А святитель сказал:

- Не заботься и не суетись. Пусть так и будет. А ты, милый, трогай, трогай... Не опоздать бы.

И правда, чуть-чуть не опоздали. Служба в Никитском соборе уже к самой середине подходила. Вышел Арий на амвон. Огромный, как гора, в парчовой одежде, в алмазах, в двурогой золотой шапке на голове. Стал перед народом и начал "Верую" навыворот читать.

"Не верую ни в отца, ни в сына, ни в духа святого..." И так все дальше, по порядку. И только что хотел заключить: "Не аминь", - как отворилась дверь с паперти и поспешными шагами входит Николай-угодник...

Только что из саней выскочил, едва армяк дорожный успел скинуть, солома кой-где пристала к волосам, к бородке седенькой и к старенькой рясе...

Приблизился святитель быстро к амвону. Нет, не ударил он Ария-Великана по щеке - это все неправда, - даже не замахнулся, а только поглядел на него гневно. Зашатался Великанище и упал бы, если бы слуги под руки не подхватили. Слов он своих пагубных окончить не успел и только промолвил: - Выведите меня на чистый воздух. Душно здесь, и под ложечкой у меня плохо. Вывели его из храма в соборный садик, а тут ему беда приключилась. Присел он около дерева, и треснула его утроба, и вывалились его все внутренности на землю. И помер без покаяния.

А у Василия-ямщика с той поры повелись да повелись пегие лошади. И всем давно стало известно, что у лошадей этой масти - самый долгий дух в беге, а ноги у них точно железные.

Теперь зима. Ночь. Выходили мы на дорогу, смотрели - не видать ли на снегу змеистой борозды от Васильева длинного кнута, слушали - не слышать ли бубенцов с колокольчиками? Нет. Не видать. Не слышать.

Чу! Не слышно ли?